

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ¹⁾.

IV.

Тайныя приготовленія къ мятежу.—Безпорядки въ Вильнѣ.—Воспитательный домъ „Исуса Младенца“.—Вопросъ о преобразованіи Виленскаго воспитательнаго дома.—Отъѣздъ семейства Назимовыхъ за границу.—Развитіе безпорядковъ.—Гродненскій губернаторъ Шпееръ.—Манifestація въ Вильнѣ 8-го мая.—Безпорядки на дворянскихъ выборахъ.—Объясненіе Назимова съ дворянствомъ и его послѣдствія.—Безпорядки въ Ковнѣ 31-го іюля.

Н е смотря на собиравшуюся съ запада политическую грозу, зима 1860—1861 годовъ до начала варшавскихъ смуть прошла въ Вильнѣ чрезвычайно весело. Послѣ новаго года шли по обыкновенію балы, рауты, спектакли. Графъ Степанъ Плятеръ и Незабитовскіе, богатые помѣщики Гродненской губерніи, дали по блестящему балу, въ воскресенье назначенъ былъ балъ у Грабовской, которому, однако же, не суждено было состояться. По обычаямъ мѣстной жизни, издавна сложившейся въ Вильнѣ, по субботамъ, обыкновенно давались маскарады, сперва въ домѣ Миллера, нынѣ Шишки, на углу Нѣмецкой и Трокской улицъ, а съ 1857 года въ дворянскомъ клубѣ. Маскарады эти въ особенности нравились среднему сословію горожанъ, артистамъ городского театра, чиновникамъ, офицерамъ и вообще посѣщались молодежью очень охотно. При В. И. Назимовѣ, который ѣздилъ очень часто на эти маскарады, они сдѣлались еще оживленнѣе, чему способствовало и самое помѣщеніе клуба, изящно отдѣланное дворянствомъ къ первому

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1902 г.

пріѣзду государя въ Вильну въ 1858 году. Въ субботу, предшественницу дня, въ который назначенъ былъ балъ у Грабовской, генераль-губернаторъ пріѣхалъ въ маскарадъ съ большою свитою приближенной къ нему молодежи. Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ и весьма оживленный. Толпы масокъ сновали туда и сюда, интригуя знакомыхъ и незнакомыхъ посѣтителей; въ большомъ танцевальномъ залѣ, въ національныхъ костюмахъ, шель краковякъ... Кругомъ танцующихъ толпилась многочисленная публика. В. И. Назимовъ сталъ съ своими приближенными въ числѣ зрителей, неподалеку одного изъ оконъ, выходящихъ на улицу. Нѣсколько времени спустя послѣ его пріѣзда, раздался по залѣ трескъ разбитаго стекла, осколки котораго полетѣли со звономъ на паркетъ, и что-то бѣлое, ударившись въ эпюлетъ начальника края, упало къ его ногамъ. Оказалось, что съ улицы неизвѣстно кѣмъ была брошена въ залъ стеклянная пробка отъ графина, къ которой привязана была бумажка съ лаконическою надписью по-польски: «отечество въ траурѣ — не время веселиться». Когда слухъ объ этомъ разошелся по клубу, значительная часть посѣтителей разошлась по домамъ, но маскарадъ продолжался. На другой день, въ воскресенье, съ раннего утра, полетѣлъ по городу отказъ назначеннаго въ тотъ день бала у Грабовской—по случаю внезапной болѣзни... Болѣзнь эта вскорѣ приняла такой эпидемическій характеръ, что балы и вечера въ Вильнѣ по польскимъ домамъ совершенно прекратились. Наступившій Великій постъ и поѣздка В. И. Назимовой въ Петербургъ прекратила обычные танцевальные вечера и у генераль-губернатора на все время ея отсутствія. По возвращеніи Анастасіи Александровны изъ столицы, наступила середина — пріемный день Назимовыхъ, который въ столь недавно прошлое время ожидался всѣми съ нетерпѣніемъ,—такъ весело и непринужденно проводилось у нихъ время. Верхняя зала дворца, роскошно убранная множествомъ большихъ апельсинныхъ, лимонныхъ и кипарисныхъ деревьевъ и залитая свѣтомъ лампъ и свѣчей, ожидала своихъ обычныхъ посѣтителей, число которыхъ 12-го февраля 1857 года простиралось до 918 человекъ. Радужная и гостепріимная семья съ хозяиномъ во главѣ съ девяти часовъ вечера находилась уже въ залѣ; оркестръ бальной музыки скрытъ былъ за разными тропическими растеніями. Наступило время сѣзда. Первыми пріѣхало нѣсколько русскихъ семействъ, и въ томъ числѣ директоръ дворянскаго института М. И. Падренъ-дю-Карне. Посмотрѣвъ на часы, которые показывали половину десятаго, и обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Посмотримъ, что-то будетъ сегодня вечеромъ...

— Что будетъ? будемъ танцевать, — отвѣтилъ я ему, не понявъ, что онъ дѣлаетъ намекъ на прекращеніе баловъ у поляковъ.

Между тѣмъ время шло, а гости собирались очень медленно, не такъ, какъ бывало прежде... Къ десяти часамъ съѣхались остальные русскія семейства, да чиновники-поляки безъ женъ. Изъ польской аристократіи явились въ одиннадцатомъ часу — графиня Плятеръ съ дочерьми, да князь Гедройцъ съ молодою женою; но и тѣ уѣхали безъ ужина домой. Вообще на вечерѣ все было какъ-то натянато, ненатурально; куда дѣвалась непринужденность и веселость прежнихъ вечеровъ?! Однимъ словомъ, это былъ первый вечеръ, въ теченіе шестилѣтняго пребыванія Назимовыхъ въ Вильнѣ, который имъ не удался. Становилось очевиднымъ, что польское общество болѣе чѣмъ сочувственно отнеслось къ варшавскимъ безпорядкамъ 13-го (25-го) февраля. Объ этихъ безпорядкахъ я узналъ отъ виленскаго коменданта А. С. Вяткина, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ родной. Бывая у нихъ ежедневно, случалось даже по нѣскольку разъ въ день, и обѣдая у нихъ почти каждый день въ 12 часовъ, я зашелъ, по обыкновенію, въ кабинетъ Александра Сергѣевича и нашелъ его сидящимъ за письменнымъ столомъ, съ сильно озабоченнымъ видомъ.

— Что это съ вами случилось такое? — спросилъ я его.

— Со мною-то, слава Богу, ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ, вставая; не скажешь никому — открою секретъ...

— Даю честное слово, буду нѣмъ, какъ рыба...

— Въ Варшавѣ бунтъ — пятьсотъ человекъ осталось на мѣстѣ.

— Кого, нашихъ? — спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, поляковъ... Войска стрѣляли...

— Да ты, братецъ, смотри: не проговорись кому-нибудь, — продолжалъ комендантъ, приглашая меня за собою въ столовую.

— Будьте покойны, не скажу даже и вашимъ.

На другой день оказалось, что и скрывать-то было нечего. Вѣсть о варшавскихъ безпорядкахъ разнеслась по Вильнѣ и по цѣлому краю съ быстротою молніи еще и съ прикрасами. Убитыхъ въ этотъ несчастный день, по словамъ стоустой молвы, было чуть не полъ-Варшавы... На самомъ же дѣлѣ убитыхъ было только пять человекъ да столько же раненыхъ. Въ числѣ первыхъ находились: нѣкто Карчевскій, братъ содержательницъ моднаго магазина, ярыхъ патриотокъ, помѣщикъ Рутковскій, ученикъ реальной гимназіи Арцихевичъ, и двое мастеровыхъ: нѣкто Адамкевичъ и одинъ съ желѣзной фабрики Брынделя. На всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 году я самъ лично видѣлъ картины о небывалыхъ русскихъ звѣрствахъ, относящихся къ тому времени; раззолоченныя рамы этихъ картинъ были украшены шифромъ седанскаго героя.

Поляки, по обыкновенію своему, не останавливались ни передъ чѣмъ: литература, газеты, живопись трудились неустанно, лишь бы напра-

вить на насъ цѣлюю Европу. Вслѣдъ за полученною изъ Варшавы вѣстію о торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ тамъ лицъ въ несчастный день 13-го (25-го) февраля началась комедія траурныхъ молебствій по цѣлому краю; Вильна подавала примѣръ всякому безобразію. Сперва поляки собирались на панихиды подъ разными благовидными предлогами и съ видимою робостію, затѣмъ подстрекаемые распоряженіями «народоваго ржонда» и бездѣйствіемъ главной администраціи края, которую увѣряли предводители дворянства и вліятельные поляки, что всё происходящее безпорядки въ край не что иное, какъ дѣтская шалость, горожане становились все дерзче и смѣлѣе. Впослѣдствіи коноводы мятежа при содѣйствіи общества Винцентинокъ стали собирать и чиновниковъ, состоявшихъ на государственной службѣ, почти исключительно изъ поляковъ, для усиленія демонстративныхъ безобразій, въ которыхъ приняла дѣятельное участіе и лица изъ высшаго польскаго общества. Въ разныхъ мѣстахъ города и по разнымъ костеламъ служились панихиды объ убитыхъ въ Варшавѣ, и началось пѣніе революціонныхъ гимновъ. Вскорѣ городъ Вильна, а за нимъ и весь край, при содѣйствіи угрозъ, брани, сѣрной кислоты и т. п., облекся въ трауръ по оскорбленной ойчизнѣ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ, носившихъ цвѣтныя платья, сопровождали оскорбительные возгласы учениковъ и гимназистовъ; названіе пестрая свинья — было однимъ изъ самыхъ невинныхъ.

Въ 1863 году открылось, что учрежденное Бучинскою обществомъ St.-Vincent de Paul принимало въ дѣлѣ мятежа самое живѣйшее участіе. На средства этого общества содержались цѣлыя толпы уличныхъ пѣвцовъ и пѣвуній революціонныхъ гимновъ и наблюдателей за ношеніемъ траура. Прежде чѣмъ поведу рассказъ о бывшей неурядицѣ, которой я былъ свидѣтелемъ, сдѣлаю предварительно небольшое отступленіе, имѣющее, впрочемъ, связь съ дѣломъ тайнаго подготовленія мятежа.

Въ Вильнѣ существуетъ воспитательный домъ «Исусъ Младенецъ», основанный въ 1791 году княгинею Ядвигою Огинскою, женою трокскаго воеводы, для пріюта сиротъ и вообще покинутыхъ родителями дѣтей, которыя до того времени принимались въ госпиталь епископа Гонсѣвскаго. Для осуществленія этой цѣли княгиня Огинская купила домъ на улицѣ Суббочъ, что нынѣ Сиротская. Находяшіеся по сосѣдству миссіонеры присоединили къ нему другой, свой собственный, а виленскій магистратъ, съ дозволенія сейма, отвелъ плацъ въ два морга земли. 3-го іюля 1787 года епископъ виленскій князь Масальскій положилъ основаніе строенію, которое соорудила кн. Огинская; постройка продолжалась до 1791 года, и 17-го октября вошли туда римско-католическія сестры милосердія; имъ ввѣренъ былъ надзоръ за учрежденнымъ заведеніемъ. По плану видно, что настоящія строенія составляютъ только третью часть былаго. Къ этому заведенію, съ мѣстомъ, усту-

пленнымъ магистратомъ, отошли и прочно выстроенные подвалы для складовъ, о которыхъ въ простонародьѣ ходили толки, что находящіяся при нихъ подземелья тянулись до самыхъ Трокъ и входили въ связь съ тамошними подземельями. Капиталь этого заведенія былъ въ 1803 г. 44.524 руб. 50 коп.; въ этомъ же году императоръ Александръ I подарилъ ему староство Жосельское. Такъ какъ Виленскій воспитательный домъ былъ расадникомъ совращенія въ латинство православныхъ дѣтей, то строгій ревнитель православія, митрополитъ Іосифъ, будучи еще архіепископомъ литовскимъ, обратилъ на него въ 1851 году серьезное вниманіе. По представленію его въ Св. Синодъ, объ огражденіи православныхъ питомцевъ отъ вреднаго вліянія латинскихъ монахинь, 20-го января 1852 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) чтобы въ Виленскомъ попечительномъ совѣтѣ всегда присутствовалъ членъ изъ мѣстнаго православнаго духовенства, по назначенію епархіальнаго преосвященнаго; 2) чтобы попечитель, смотритель и учитель воспитательнаго дома «Исусъ Младенецъ» были непременно православнаго исповѣданія; 3) чтобы въ училищѣ сего заведенія помѣщаемы были дѣти какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданія, соразмѣрно количеству призрѣваемыхъ въ ономъ дѣтей того или другаго исповѣданія и 4) на устройство въ заведеніи православной церкви повелѣвалось отпустить пятьсотъ рублей серебромъ изъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно было повелѣть: «Объявить римско-католическимъ монахинямъ, имѣющимъ ближайшій надзоръ, чтобы онѣ воздерживались отъ вредныхъ внушеній дѣтямъ православнымъ, а начальству заведенія имѣть за симъ наблюденіе и въ противномъ случаѣ немедленно представить объ удаленіи изъ онаго монахинь». Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что изъ предложенія генераль-губернатора И. Г. Бибикова виленскому губернатору А. О. Россету ¹⁾ исключено было самое главное, то-есть то, что приказано было, по высочайшему повелѣнію, объявить латинскимъ монахинямъ. Канцелярія генераль-губернатора, состоявшая исключительно изъ поляковъ, воспользовавшись этимъ, вломилась въ амбицію и старалась доказать, что латинскія монахини никакого вреда православнымъ дѣтямъ не причиняли, иначе появились бы жалобы на то ближайшаго ихъ начальства! Самой собой разумѣется, подобныя дѣйствія не могли не парализировать ожидавшійся успѣхъ дѣла; церковь православная была устроена едва въ 1859 году; русское дѣло шло такъ дурно, что высокопреосвященнѣйшій Іосифъ 19-го іюня

¹⁾ Отъ 20-го февраля 1852 г. № 1821. На поляхъ черноваго отпуска, противъ означеннаго мѣста написано чьею-то рукою: Его высокопревосходительству благоугодно было приказать исключить изъ бумаги.

того же года вынужденнымъ нашелся написать, наконецъ, генераль-губернатору В. И. Назимову письмо, которое кончилъ такъ: «Впрочемъ, я далекъ, чтобы раздѣлять взгляды вашего высокопревосходительства на настоящее дѣло, но уповаю, что Богъ не оставитъ церковь православную въ здѣшной сторонѣ благимъ своимъ Промысломъ».

При подобномъ официальномъ разногласіи взглядовъ на воспитательный домъ и опасаясь нашего православнаго архипастыря, польская пропаганда не замедлила пустить въ ходъ свои тайныя пружины. Въ виду строгаго наблюденія со стороны православнаго духовенства за крещеніемъ подкидышей по православному обряду, нѣкто дворянка Оекла Савицкая, при содѣйствіи частной благотворительности, начала съ 1856 г. принимать на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, дабы сохранить ихъ въ католицизмѣ. Въ 1858 году штабъ-лѣкарь Товянскій, вмѣстѣ съ Савицкою, устроили, безъ вѣдома и разрѣшенія правительства, нѣчто въ родѣ воспитательнаго дома близъ римско-католическаго кладбища «Росса», въ домѣ графини Чапской, которая уступила имъ бесплатно, по контракту, свой домъ на пять лѣтъ для вышеозначенной цѣли. Ни мѣстные власти, ни полиція не имѣли никакихъ свѣдѣній объ этомъ заведеніи, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Наконецъ, 21-го февраля 1861 года штабъ-лѣкарь Товянскій подалъ генераль-губернатору записку, въ которой довелъ до его свѣдѣнія, что по неимѣнію въ Вильнѣ родильнаго отдѣленія и по случаю воспрещенія свободнаго приѣма въ Виленскій воспитательный домъ младенцевъ, онъ съ нѣсколькими лицами, въ чувствахъ человеколюбія, началъ принимать къ себѣ съ 1858 года безпріютныхъ родильницъ, которыя по выздоровленіи помѣщались въ услуженіе, а младенцы ихъ отдавались на воспитаніе по деревнямъ за плату пополамъ съ матерями. Несчастныя жертвы порока, видя въ этихъ дѣйствіяхъ чистое состраданіе, убѣдясь въ строгомъ храненіи ихъ тайнъ и избѣгая преслѣдованія полиціи, болѣе и болѣе стали обращаться къ нему и довѣрять ему своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, и такихъ младенцевъ въ настоящее время простирается до 150, изъ которыхъ два мальчика и одна дѣвочка находятся въ самомъ заведеніи, устроенномъ при кладбищѣ «Росса», въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ графини Чапской, а остальные розданы кормилицамъ по деревнямъ. Не смѣя продолжать дѣло въ такомъ размѣрѣ, хотя и чисто христіанское, безъ разрѣшенія правительства, и не имѣя средствъ поддержать его, г. Товянскій просилъ генераль-губернатора: «находящихся на его попеченіи незаконнорожденныхъ дѣтей приказать принять въ Виленскій воспитательный домъ съ метрическими свѣдѣніями, не подвергая его и матерей сихъ дѣтей преслѣдованію и розыскамъ, а также дозволить ему расширить кругъ

дѣйствія по призрѣнiю неприютныхъ дѣтей незаконнорожденныхъ и ихъ родильницъ съ назначенiемъ для сего возможнаго денежнаго пособiя».

Получивши подобнаго рода ходатайство, генераль-губернаторъ поставленъ былъ въ весьма неловкое положенiе. Три года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Вильнѣ, на глазахъ главной администраціи края, существовалъ частный воспитательный домъ весьма почтенныхъ размѣровъ съ родильнымъ отдѣленiемъ, и на это никто, даже сама полиція, не обращала никакого вниманiя столь продолжительное время. Учредитель, повидимому, зналъ, что дѣлалъ,—и дѣйствительно выбралъ самое удобное время для осуществленiя своихъ намѣренiй. Слухъ о только-что совершившейся въ Варшавѣ катастрофѣ съ быстротою молніи разнесся по краю; ополченные обитатели Сѣверо-Западнаго края слѣдили за Варшавою съ напряженнымъ вниманiемъ и обнаруживали свое живое сочувствiе къ совершившимся беспорядкамъ, вполне понимая затруднительное положенiе правительственной власти въ краѣ. Съ другой стороны было извѣстно, что, за уменьшенiемъ добровольныхъ пожертвованiй со стороны поляковъ на содержанiе учрежденной А. Назимовой школы рукодѣлія во имя св. Маріи Магдалины, это заведенiе поставлено было въ безвыходное положенiе и что учредительница ея предполагала ходатайствовать при дворѣ о назначенiи пособiя отъ казны. Пользуясь этимъ, Товянскій подавъ мысль, что совмѣстно съ ходатайствомъ о школѣ необходимо просить и о преобразованiи воспитательнаго дома на болѣе широкихъ началахъ и представилъ проектъ, по которому генераль-губернаторъ не находилъ возможнымъ входить съ официальнымъ представленiемъ по политическому положенiю края, хотя и раздѣлялъ взгляды Товянскаго и приглашалъ его къ себѣ на частныя совѣщанiя по этому предмету. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденiй, рѣшено было, что Назимова поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ ходатайствовать о пособiи школѣ и о преобразованiи воспитательнаго дома. Я былъ тоже командированъ туда, въ званiи секретаря ея по благотворительности. Въ виду же начинавшейся неурядицы въ краѣ, въ Петербургъ поѣхала и вся семья Назимовыхъ.

Выше мы видѣли то разногласiе во взглядахъ на воспитанiе дѣтей, помѣщенныхъ въ Виленскій воспитательный домъ «Иисусъ Младенецъ», которое существовало между высшими духовною и свѣтскою властями въ краѣ. Преобразованiе воспитательнаго дома нужно было Товянскому и К^о для того, чтобы сохранять младенцевъ въ латинствѣ или, правильнѣе, въ польщизинѣ—тѣмъ болѣе, что митрополитъ Іосифъ зорко слѣдилъ за неполячиванiемъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ судьба помѣстила въ этотъ пріютъ. Само собою разумѣется, предполагавшаяся реформа не упоминала и намекомъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Въ запискѣ, поданной Товянскимъ генераль-губернатору, все было построено на

чисто благотворительныхъ и нравственныхъ началахъ, генераль-губернаторская же канцелярія, состоявшая исключительно изъ поляковъ, искусно сгруппировала всѣ факты въ своемъ докладѣ, признавая необходимость представленной реформы. По этой канвѣ составлена была и нижеслѣдующая записка А. А. Назимовой, которую она повезла съ собою въ Петербургъ.

«Въ былое время,—сказано въ запискѣ,—когда Виленскій воспитательный домъ состоялъ подъ непосредственнымъ управленіемъ римско-католическихъ сестеръ милосердія, туда принимались безпрепятственно и тамъ воспитывались сироты и подкидыши; давался пріютъ беспомощнымъ родильницамъ и съ цѣлью сокрытія невинныхъ жертвъ соблазна была секретная родильня. Впослѣдствіи времени, по случаю отмены Литовскаго Статута и введенія свода Законовъ Имперіи, а также послѣ приѣма съ 1842 года всѣхъ богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, находившихся въ управленіи духовенства, въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, и Виленскій воспитательный домъ подчинился дѣйствующимъ законамъ, по силѣ которыхъ свободный пріемъ младенцевъ прекратился, а допущено было призрѣніе ихъ въ уважительныхъ только и неизбѣжныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при поднятій младенца, не имѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитать его. По полиціямъ поставлено въ непремѣнную обязанность при поднятій младенца живаго, а еще болѣе мертваго, дѣлать неупустительно строгое изслѣдованіе и виновныхъ въ томъ подвергать строгому сужденію по законамъ. Подобныя ограниченія имѣли вредное вліяніе на нравственность: опытъ показалъ, что въ послѣдующіе за тѣмъ годы число найденныхъ мертвыхъ тѣлъ младенцевъ значительно съ каждымъ годомъ увеличивалось; при томъ нужно замѣтить, что статистическія свѣдѣнія о совершенныхъ дѣтоубійствахъ не могли быть вѣрными указателями содѣянныхъ преступленій, которые всегда совершаются въ тайнѣ. Сколько гибнетъ еще дѣтей въ зародышѣ, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ низшемъ классѣ народа есть старухи-обманщицы, всегда готовыя на услуги подобнаго рода. Съ другой стороны, означенныя ограниченія не доставляли удовлетворительныхъ результатовъ ни въ уменьшеніи разврата, ни въ сокращеніи расходовъ на вскормленіе и воспитаніе младенцевъ, тѣмъ болѣе, что въ 1842 году передано было сестрами милосердія 107 питомцевъ,—изъ нихъ сиротъ 82 и подкидышей 25; въ теченіе же послѣднихъ десяти лѣтъ ежегодно поступало въ заведеніе до 100 сиротъ и 650 подкидышей, при чемъ, не смотря на столь значительное число сихъ послѣднихъ, не было еще случая открытія и наказанія виновныхъ въ подкинутіи младенцевъ. Слѣдовательно, ограниченіемъ приѣма въ воспитательный домъ однихъ подкидышей обходится только законъ, не только безъ всякой пользы, но

и съ большимъ вредомъ, тѣмъ болѣе, что безнравственные матери, подбрасывая своихъ дѣтей и опасаясь за это наказанія, не стараются узнать объ ихъ бытѣ въ воспитательномъ домѣ, какъ это бывало прежде и, не получая ни откуда наставленій объ исправленіи своего поведенія, впадаютъ въ новые пороки и тѣмъ самымъ увеличиваютъ число подкидышей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, признавалось бы болѣе соответственнымъ допустить свободный пріемъ въ Виленскій воспитательный домъ, для чего необходимо исходатайствовать отміну существующихъ нынѣ законоположеній. Но, подвергая кореннымъ преобразованіямъ это заведеніе, непременно слѣдуетъ устроить въ немъ родильное отдѣленіе, при которомъ можно будетъ обучать повивальному искусству, такъ какъ въ край чувствуется большой недостатокъ въ повивальныхъ бабкахъ. Старые питомцы бывшаго Виленскаго университета утомлены уже трудомъ и удручены лѣтами, а молодымъ негдѣ пріобрѣтать необходимыхъ познаній.

«Равнымъ образомъ при воспитательномъ домѣ необходимо образовать школу нянекъ, обученіе же грамотѣ оставить на прежнемъ основаніи. Существующій способъ раздачи питомцевъ на безвозмездное призрѣніе разнымъ лицамъ, съ обязанностью приписать ихъ, по достиженіи ими 21 года, къ извѣстному роду жизни, производящійся посредствомъ конторы воспитательнаго дома, состоявшей изъ врача и смотрителя, признавался весьма неудовлетворительнымъ, а потому предполагалось въ составъ членовъ конторы прибавить по крайней мѣрѣ двѣнадцать почетныхъ попечителей, преимущественно изъ зажиточныхъ ремесленниковъ, съ обязаніемъ ихъ нецѣпясь объ устройствѣ участи питомцевъ: отдачею ихъ въ обученіе разнымъ ремесламъ, рукодѣліямъ, садоводству и т. п. Обученіе питомцевъ воспитательнаго дома фельдшерскому искусству будетъ весьма полезнымъ не только для нихъ самихъ, но и для цѣлаго края, тѣмъ болѣе, что къ тому имѣется полная возможность въ виду находящихся въ Вильнѣ городскихъ госпиталей—св. Іакова, Савичъ и Еврейскаго. На содержаніе и одежду необходимо отпустить ежегодно по тысячѣ рублей изъ суммъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ прежнее время помѣщикъ, рассчитывая на свой жилой капиталъ, уже для собственныхъ своихъ выгодъ обязанъ былъ заботиться о сохраненіи здоровья собственныхъ своихъ крестьянъ, съ освобожденіемъ же ихъ—они могутъ остаться безъ всякой помощи, при томъ распределеніе достаточнаго числа опытныхъ фельдшеровъ по большимъ селеніямъ оградить жизнь крестьянъ отъ шарлатанства знахарей».

Само собой разумѣется, что составленный на такихъ основаніяхъ проектъ не могъ имѣть успѣха, когда въ край начинались волненія.

Вторая записка А. А. Назимовой касалась устройства въ Вильнѣ

дома трудолюбія, вмѣсто Остробрамской школы рукодѣлія, основанной ею 25-го марта 1857 года на средства частной благотворительности; но и тутъ ходатайство не имѣло успѣха. Въ Маріинской школѣ находилось тогда 52 дѣвицы бѣдныхъ родителей, на полномъ содержаніи и 18 приходящихъ; начавшіеся беспорядки въ краѣ и крестьянская реформа значительно сократили частныя пожертвованія и разомъ поставили это заведеніе въ безвыходное положеніе. А. А. Назимова, занимавшаяся съ любовью дѣломъ благотворенія, не могла безъ особой горести смотрѣть на охлажденіе общества къ этому полезному учрежденію, на которое она потратила, кромѣ денегъ, столько нравственныхъ силъ и здоровья; но, увы! всѣ розовыя мечты ея должны были разлетѣться въ прахъ, встрѣтясь съ черною неблагодарностью тѣхъ, въ которыхъ она привыкла видѣть своихъ друзей.

Привожу здѣсь подлинникомъ заключеніе записки, такъ какъ оно объяснить поводъ ходатайства. «Крайне затруднительное положеніе бѣдныхъ и искреннее желаніе помочь имъ и убѣдить населеніе въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ нашего правительства рѣшаетъ меня ходатайствовать о дозволеніи устроить въ Вильнѣ домъ трудолюбія, на содержаніе котораго ежегодно понадобится пять тысячъ рублей. Получивши такое пособіе со стороны правительства, можно будетъ устроить, при помощи частной благотворительности, столь необходимое въ здѣшнемъ краѣ заведеніе и достигнуть благодѣтельныхъ результатовъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Если же въ настоящее время по какимъ то ни было причинамъ признано будетъ невозможнымъ удѣлять для столь общепользующей цѣли по пяти тысячъ рублей ежегодно, то испросить высочайшее соизволеніе государя императора на открытіе въ Вильнѣ лотереи съ ежегоднымъ розыгрышемъ двадцати пяти тысячъ рублей по прилагаемому плану».

Дѣло по этому предмету и о воспитательномъ домѣ оставалось безъ движенія очень долго, только 23-го декабря 1861 года предложено было виленскому губернатору: «объявить штабъ-гѣкарю Товянскому, что, при настоящихъ обстоятельствахъ края, генераль-губернаторъ признаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе устроеннаго имъ и другими благотворительными лицами заведенія для призрѣнія безпріютныхъ родителей и незаконнорожденныхъ дѣтей и затѣмъ наблюсти за немедленнымъ закрытіемъ онаго. Что же касается находящихся уже на его попеченіи полутораэта незаконнорожденныхъ младенцевъ, то принять ихъ въ воспитательный домъ съ метрическими свидѣніями и оставить его, Товянскаго и матерей сихъ дѣтей свободными отъ преслѣдованія и розысковъ».

Такимъ образомъ оба ходатайства не имѣли успѣха; да и время-то къ тому выбрано было самое неудобное: по костеламъ начиналось пѣніе

революціонныхъ гимновъ. Въ первой половинѣ мая семья В. И. Назимова возвратилась въ Вильну и затѣмъ въ началѣ іюня отправилась за границу. Я провожалъ ее до Дрездена.

Заграничная поѣздка вызвана была и политическою, такъ сказать, необходимостію: положеніе Назимовыхъ дѣйствительно становилось невозможнымъ. Польское высшее общество, въ особенности дамы, совершенно отстали отъ нихъ и веселый до того времени домъ генераль-губернатора опустѣлъ; малочисленное русское общество составляло каплю въ морѣ. Изрѣдка приходила во дворецъ, какъ бы тайкомъ, навѣщать А. А. Назимову одна только Поморнацкая, одѣтая въ черное шелковое платье; въ передней вынимала она обыкновенно какой-нибудь цвѣтной галстучекъ изъ кармана, надѣвала его и являлась въ гостиную, какъ бы не въ траурѣ. Этого рода вниманіе принималось добродушными хозяевами за особенное одолженіе; впоследствии даже дворецкій Антонъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, со слезами на глазахъ оставилъ ихъ домъ, сказавши только, что его вынуждаютъ къ тому обстоятельству. Дерзость уличныхъ безобразій разгоралась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, дошла до того, что средняя дочь генераль-губернатора, шедшая въ садъ со своею кузинею, подверглась было оплеванію гимназиста среди бѣлаго дня за ненашеніе траура. Пусть же посудятъ благосклонный читатель—въ какомъ безвыходномъ положеніи находились мы, русскіе, когда дочь благодѣтеля поляковъ, ставившаго за нихъ свою голову, подверглась подобной участи...

Въ первое время, не зная, какъ посмотреть на это правительство, злоумышленники прикрывали демонстраціи разными благовидными предложениями; затѣмъ, видя совершенную безнаказанность своихъ дѣйствій, коноводы беспорядковъ облеклись въ трауръ и, по распоряженію польскаго центрального комитета, стали понуждать другихъ носить жалобу по оскорбленной ойчизнѣ... Въ средствахъ къ тому не затруднялись: публичныя оскорбленія женщинъ, не носившихъ трауръ, обливаніе одежды чернилами, купороснымъ масломъ и т. п. повторялось ежедневно; волею-неволею горожане должны были облечься въ черный цвѣтъ, порча платья была чувствительна каждому. Демонстраціи начались съ Вильны, примѣру ея вскорѣ послѣдовалъ цѣлый край; затѣмъ открылись сборы на мятежъ, подъ видомъ обезпеченія участи семействъ убитыхъ въ Варшавѣ. Основанное Бучинскою общество St. Vincet de Paul приняло самое дѣятельное, хотя и скрытое, участіе въ подготовленіи политическихъ манифестацій. Можно сказать съ достовѣрностію, что въ дѣвственныхъ пожертвованіяхъ на мятежъ и въ моленіяхъ участвовало все шляхетское и городское населеніе въ краѣ; одни только крестьяне съ недоумѣніемъ посматривали на происходившее, да жиды потирали руки, почувявъ богатую себѣ наживу. Бѣдныхъ крестьянъ паны старались

обвинить въ неблагонамѣренности и запугивали правительственную власть разсказами объ ожидавшихся безпорядкахъ по случаю освобожденія крестьянъ и, какъ мы видѣли, довели дѣло до того, что губернаторы подписывали бланки на ружья для помѣщиковъ, необходимыя имъ для самозащиты отъ нападенія крестьянъ!? Очевидно, это оружіе имъ было нужно для шаекъ, и они хотѣли усыпить выраженіемъ своихъ опасеній и безъ того слабую бдительность правительства.

7-го апрѣля 1861 года, незадолго до поѣздки моей въ Петербургъ, я получилъ секретное предписаніе отправиться въ Бѣлостокъ и произвести тамъ дознаніе о политической панихидѣ по убиеннымъ въ Варшавѣ. Мой товарищъ по службѣ, адъютантъ генераль-губернатора А. С. Павловъ, совѣтовалъ мнѣ обратиться за свѣдѣніями по этому дѣлу къ члену, завѣдывавшему хозяйственною частію въ Бѣлостокскомъ институтѣ Туманову, который, какъ русскій очевидецъ, могъ быть мнѣ очень полезенъ. Заручившись такими указаніями, я покатишь на другой день въ Гродну. Остановился я у губернатора И. А. Шпеера. Добрѣйшій Иванъ Абрамовичъ былъ человѣкъ простой и весьма ограниченнхъ способностей, толстякъ, крикунъ, но хлѣбосоль и съ добрымъ сердцемъ; общій гологъ прозвалъ его слономъ на воеводствѣ. Попалъ онъ на это мѣсто по желанію В. И. Назимова и губернаторскія обязанности были для него совершенная terra incognita. Не смотря на крикъ, никто изъ подчиненныхъ его не боялся; дѣла по губерніи велъ вице-губернаторъ И. И. Рожновъ, человѣкъ весьма дѣльный, котораго, впрочемъ, скоро спровадили оттуда, такъ какъ онъ былъ trop patriote et trop gusse pour le pays. Впослѣдствіи времени, въ періодъ 1868—1873 гг. эта фраза была приложена ко многимъ истинно полезнымъ дѣтелямъ русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; видно, такова судьба ихъ, но объ этомъ разскажу въ свое время.

Угостивши меня сытнымъ обѣдомъ, Иванъ Абрамовичъ не пустилъ меня въ этотъ день въ Бѣлостокъ, такъ что въ семьѣ его я провелъ цѣлый вечеръ, переночевалъ и на другой день, послѣ чаю, поѣхалъ далѣе, къ цѣли моего путешествія, запасшись на дорогу нужными для меня свѣдѣніями по дѣлу.

Уѣздный городъ Бѣлостокъ—одинъ изъ лучшихъ городовъ края, но грязенъ также, какъ и всѣ города, гдѣ большинство народонаселенія составляютъ евреи. Проѣзжая по большой улицѣ, я былъ пораженъ глубокимъ трауромъ, который носилъ весь женскій персоналъ. Остановился я въ казенномъ бывшемъ губернаторскомъ домѣ и переодѣвшись отправился въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, за необходимыми мнѣ свѣдѣніями. Мѣстность института довольно уединенна, онъ помѣщается въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ зданіи съ разными пристройками, на концѣ города, близъ большаго пруда и имѣетъ великолѣпный паркъ,

обнесенный каменнымъ заборомъ. Лѣтомъ этотъ паркъ представляетъ великолѣпное мѣсто для рекреационныхъ прогулокъ институтокъ, такъ что онѣ не нуждаются выѣзжать на дачу; воздухъ тамъ чистый и здоровый. Пришедши на квартиру члена, завѣдывавшаго хозяйственною частію, я засталъ его дома и приказалъ человѣку доложить о себѣ. При входѣ моемъ въ залъ, вышелъ ко мнѣ весьма плотный мужчина, средняго роста, съ круглымъ краснымъ лицомъ и улыбающеюся физиономіею, который, отрекомендовавшись мнѣ хозяиномъ, попросилъ меня въ кабинетъ. Усѣвшись съ нимъ около письменнаго стола, я передалъ ему поклонъ отъ его beau frère и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу; но увы! ожидаемыхъ свѣдѣній я не получилъ отъ него никакихъ. По его словамъ, дѣло не стояло и выѣденнаго яйца. Не желая затѣмъ терять понапрасну дорогое время, я вскорѣ съ нимъ распрощался и отправился домой, чтобы заняться порученнымъ мнѣ дѣломъ, не подозрѣвая насколько, что этому лицу въ скоромъ времени суждено было отъ квашенія капусты и соленія огурцовъ попасть на мѣсто правителя генераль-губернаторской канцеляріи и въ какое же время? Почти наканунѣ вооруженнаго мятежа!

Едва я пришелъ къ себѣ на квартиру, какъ дежурный полицейскій солдатъ доложилъ мнѣ о приходѣ приказчика купца первой гильдіи Забудовскаго, тамошняго царька. Я приказалъ ему впустить посѣтителя. Вошедшій ко мнѣ, довольно высокаго роста, сухопарый еврей, послѣ обычныхъ еврейскихъ привѣтствій, обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что это значить, что вы изволили остановиться не у насъ?! У насъ все начальство останавливается... господинъ генераль-губернаторъ, Иванъ Абрамовичъ... Для васъ также найдется особая комната, постель и бутылка шампанскаго на сутки...

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я ему:—шампанское не пью, останавливаться у незнакомыхъ не имѣю привычки.

— Незнакомыхъ!! Насъ всѣ знаютъ... Мы сейчасъ въ вами познакомимся, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ любезничать со мною пришедшій еврей.—Не откажите пожаловать перебраться къ намъ.

— Благодарю васъ покорно, но я останусь на настоящей квартирѣ, тѣмъ болѣе, что сегодня же уѣжаю обратно.

Затѣмъ, пользуясь его посѣщеніемъ и зная, что на панихидѣ 16-го марта присутствовало нѣсколько человѣкъ евреевъ, я просилъ его рассказать, кого Забудовскій посылалъ туда депутатомъ? Мой еврей, видимо, смѣшался отъ моей шутки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ онъ мнѣ,—съ нашей конторы только одинъ молодой человѣкъ пошелъ въ костелъ изъ любопытства, и

за это ему досталось отъ хозяина... О, вы не знаете, что такое Забуддовскій—это министр.

— А можно видѣть, поразспросить этого молодого человѣка?—продолжалъ я.

— Пожалуйте со мною, ваше высокоблагородіе, и все, что вамъ нужно будетъ знать, все узнаете, только, пожалуйста, никому ни слова, а то намъ будетъ паскудно.

Общая сохранить тайну, я пошелъ съ приказчикомъ Забуддовскаго къ нему въ домъ, который считается самымъ лучшимъ въ цѣломъ городѣ. При моемъ приходѣ отперта была для меня парадная дверь, открывающаяся только для высокихъ посѣтителей,—и потому весьма рѣдко. Лѣстница была покрыта плотнымъ слоемъ пыли, ту же самую пылъ замѣтилъ я на паркетѣ, на столахъ, на золоченой мебели; паутина всюду висѣла по угламъ, затхлый воздухъ давилъ грудь. По всему было видно, что въ комнатахъ этихъ давно никого не было; что онѣ устроены только для парадныхъ пріемовъ. Милліонеръ-хозяинъ, нажившій себѣ громадный капиталъ отъ Бѣловѣжской пуши, жилъ, какъ подобаешь жиду, въ совершенной грязи—въ двухъ, трехъ комнатахъ, съ чернымъ ходомъ со двора. Приведшій меня приказчикъ, попросивши меня присѣсть, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Минуть десять пришлось мнѣ прождать его возвращенія, но, вотъ, наконецъ, открылась дверь, и грязная еврейка внесла на серебряномъ подносіи два налитыхъ бокала съ бутылкою шампанскаго и конфекты, а за нею появился и распорядитель-приказчикъ. Еврейка, поставивъ на столъ поднось, удалилась съ поклономъ изъ комнаты.

— Позвольте попросить васъ выпить за ваше здоровье,—обратился ко мнѣ съ бокаломъ неотвязчивый приказчикъ,—и покошгуйте цукерковъ.

— Благодарю васъ покорно,—отвѣчалъ я ему,—я уже вамъ сказалъ, что не пью шампанскаго, тѣмъ болѣе, не ѣмъ сласти до обѣда. А вотъ, потрудитесь-ка мнѣ лучше позвать того молодого человѣка, который былъ въ костелѣ.

— Ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ мнѣ еврей, поставивъ бокалъ на поднось,—этотъ молодой человѣкъ уѣхалъ съ господиномъ Забуддовскимъ, но я могу самъ разсказать вамъ все, какъ было, только прошу васъ никому не разсказывайте объ этомъ, а то... еврей сдѣлалъ при этомъ рукою неизобразимый жестъ, выразавшій, повидимому, что-то очень страшное.

Затѣмъ изъ его разсказа и изъ собранныхъ свѣдѣній въ городѣ оказалось, что 16-го марта отслужена была въ костелѣ торжественная панихида по убитымъ въ Варшавѣ, болѣе мѣсяца спустя послѣ происшествія, на которой присутствовали почти все жители католики. Изъ служащихъ

на панихидѣ находились: уѣздный предводитель дворянства, городской голова, чиновничество съ женами и восемь человѣкъ евреевъ. Въ костелѣ устроенъ былъ черный катафалкъ съ гробами, и, для приданія большей торжественности церемоніи, городскіе цехи принесли свои значки; по окончаніи церковной службы предложенъ былъ сборъ въ пользу семействъ убитыхъ, который принесъ до 400 р. Близость Варшавы и частыя съ нею сношенія представляли жителямъ много удобства не только слѣдить за всѣми тамошними безобразіями, но и подражать имъ. Въ Вильнѣ взглянули на это дѣло, какъ не стоящее выѣденнаго яйца.

Наступило восьмое мая, день храмоваго праздника св. Станислава въ Вильнѣ. Превосходная весенняя погода благоприятствовала торжеству. Каедральный костелъ былъ набитъ биткомъ молящимися и немоллящимся народомъ. Литургію совершалъ епископъ Красинскій въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. По окончаніи обѣдни, своды храма въ первый разъ огласились неслыханнымъ дотолѣ революціоннымъ гимномъ: «Боже! который озарялъ Польшу много вѣковъ блескомъ могущества и славы». Въ числѣ пѣвцовъ находились мужчины и дамы; болѣе другихъ обратили на себя вниманіе неистовымъ выкрикиваніемъ: студенты университетовъ С.-Петербургскаго Викторъ Пашковскій, Московскаго графъ Казиміръ Тышкевичъ и Александръ Зельверовичъ; бывший студентъ Дерптскаго университета: Милаковскій, именовавшійся докторомъ, Дыбовскій, близкій родственникъ богатаго помѣщика Еленскаго, который, какъ оказывается, въ 1846 году былъ участникомъ крамольныхъ приготовленій въ краѣ, а въ 1863 году вступилъ въ члены благаго верховнаго литовскаго комитета, и житель царства Польскаго, отставной прапорщикъ Станишевскій, постоянно разъѣзжавшій по краю. Всѣ эти лица были арестованы полиціею по выходѣ изъ храма, но этимъ дѣло не кончилось... Болѣе пятидесяти женщинъ разнаго сословія, въ числѣ которыхъ были и дамы изъ высшаго общества, не успѣвъ воспрепятствовать арестованію пѣвцовъ, отправились толпою во дворецъ къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованныхъ. Такъ какъ ходатайство ихъ не имѣло успѣха, то барыни на другой день снова явились въ пріемную генералъ-губернатора и стали требовать уже настойчиво освобожденія арестантовъ. Напрасно В. И. Назимовъ убѣждалъ ихъ разойтись по домамъ, обѣщая дать законное направленіе дѣлу—ничто не помогало. Шумъ и крикъ заглушали его слова. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль отдать приказъ—послать за пожарной командой и охладить водой патріотическій пылъ разсвирѣпѣвшихъ барынь. Стыдъ получить холодную ванну и удаленіе генералъ-губернатора изъ пріемной въ кабинетъ, вслѣдъ за приказаніемъ, мало-по-малу образумили волновавшихся: удостовѣрившись, что двери

въ кабинетъ заперты, онѣ отправились по домамъ. Можно отдать имъ полную справедливость, что во все время переговоровъ и послѣ онѣ вели себя настоящими торговками... Такъ какъ оставить безнаказанно подобную наглость не было никакой возможности, то нѣкоторыя изъ барынь, видимо, руководившія толпою и болѣе другихъ рѣзко выражавшіяся въ разговорѣ съ генералъ-губернаторомъ, были высланы имъ административнымъ порядкомъ изъ Вильны на жительство въ имѣнія, съ воспрещеніемъ въѣзда въ городъ. Впрочемъ, подобное распоряженіе мало принесло пользы и нисколько не обезкуражило коноводовъ беспорядковъ, а только еще болѣе ихъ озлобило.

17-го мая, въ Остробрамскомъ костелѣ, послѣ вечерни, которую служилъ епископъ Красинскій, до тридцати учениковъ Виленской губернской гимназіи пропѣли съ неистовыми криками революціонный гимнъ. Къ гимназистамъ и студентамъ, наводившимъ Вильну, вскорѣ стали присоединяться во множествѣ женщины-католички разныхъ сословій, ремесленный людъ, чиновники польскаго происхожденія, вообще, горожане, такъ что пѣніе гимновъ стало происходить ежедневно въ разныхъ мѣстахъ города и въ нарочно опредѣленные на то часы. Дерзость дѣятелей беспорядковъ, видѣвшихъ полнѣйшую безнаказанность своихъ безобразій, превосходить всякое описаніе; не бывши очевидцемъ—трудно тому повѣрить. Не только русскіе, но и самая полиція, державшая себя крайне осторожно, такъ какъ состояла большею частію изъ поляковъ, подвергались чуть не на каждомъ шагѣ оскорбленіямъ и брани. Дабы не подавать повода къ большимъ безчинствамъ, начальствомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы полиція наблюдала только за совершавшимися демонстраціями и записывала бы, по возможности, лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, но не дѣлала бы никакихъ распоряженій къ воспрещенію или къ прекращенію пѣнія гимновъ; впрочемъ, и эти наблюденія не всегда проходили ей даромъ. Командировались нерѣдко и воинскія команды къ этимъ сборищамъ; можно было видѣть цѣлыя взводы солдатъ съ ружьями на молитву и съ кепи въ рукахъ, въ проливной дождь, стоящими въ сторонѣ отъ толпы, которая, укрываясь отъ ливня подъ зонтиками, ревѣла во все горло гимнъ. Приходившія вновь на мѣсто пѣнія гимна и уходившія оттуда личности, при видѣ стоявшихъ безмолвно солдатъ, высказывали къ нимъ полнѣйшее презрѣніе, ругали ихъ и даже плевали на нихъ, а они должны были молча переносить все это. Однажды случилась пресмѣшная сцена. Какая-то ярая патріотка, проходя мимо солдата, плюнула ему на грудь. Солдатъ обратился къ обидчицѣ, обтеръ плевкомъ и въ догонку произнесъ ей:

— Паночка, паночка! Стыдно плевать; аммуниція-то казенная; пожалуй, попортишь и будешь въ отвѣтѣ, а вотъ не угодно ли вамъ плю-

нуть мнѣ на сапоги, двойная польза будетъ... и душу, значить, отведете, и у меня сапоги будутъ чище, слюнка-то ваша вмѣсто деготка послужить...

Подобное хладнокровіе, сопровождаемое хохотомъ подошедшихъ двухъ товарищей, привело чуть не до бѣшенства обидчицу—она неистово ругалась.

Въ тѣніи гимновъ, оскорблявшихъ святыню самыхъ храмовъ, и въ разныхъ другихъ уличныхъ безобразіяхъ прошелъ дѣлный май и первые дни іюня.

9-го числа этого мѣсяца назначены были выборы виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства на мѣсто уволеннаго по высочайшему повелѣнію за неблагонамѣренность графа Ивана Тышкевича, который вмѣстѣ съ своею женою сталъ открыто во главѣ движенія: дѣлалъ съ нею визиты ремесленникамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ и готовилъ у себя обѣды тысячи на полторы простолудиновъ, но по принятымъ мѣрамъ онъ не состоялся ¹⁾.

Не смотря на предупрежденіе генераль-губернатора дѣйствовать законно, дворяне, приступивъ къ баллотировкѣ кандидатовъ, по предложенію помѣщика Карла Вагнера, бывшаго аптекаря, постановили немедленно написать отъ лица всѣхъ дворянъ уѣзда благодарственный адресъ бывшему предводителю графу Тышкевичу, сосланному тогда на жительство въ имѣніе, а другой помѣщикъ Болеславъ Еленскій, прочитавъ собранію заранѣе приготовленный адресъ, предложилъ его къ подписи присутствовавшимъ на выборахъ дворянамъ. Началось замѣшательство... Нѣсколько человекъ помѣщиковъ, болѣе благоразумныхъ, старались отклонить своихъ собратьевъ отъ этой неумѣстной выходки, выставляя имъ на видъ крайнюю безтактность ихъ дѣйствій, но голосъ ихъ былъ заглушенъ взволнованными страстями. Три коновода: Вагнеръ, Еленскій и Гриневецкій сначала просьбами, а потомъ и угрозами успѣли склонить на свою сторону двѣ-трети лицъ общаго числа шестидесяти шести человекъ, участвовавшихъ въ выборахъ. Интересно здѣсь то, что адресъ былъ подписанъ и вновь выбраннымъ въ предводители Александромъ Ваньковичемъ. Такимъ образомъ дѣла принимали серьезный оборотъ... Изъ сферы уличныхъ манифестацій политической пожаръ перебрасывало въ сферу официальную. Между тѣмъ изъ Петербурга шли приказанія генераль-губернатору употреблять попрежнему легкія, примирительныя мѣры, къ которымъ онъ и безъ того

¹⁾ Графъ Тышкевичъ съ женою, по распоряженію генераль-губернатора, были высланы изъ Вильны на жительство въ Ваку, въ 14 верстахъ отъ города. Впослѣдствіи, избѣгая отвѣтственности за свои продѣлки, они уѣхали за границу.

былъ склоненъ. Окружающіе его польскіе паны напѣвали ему то же самое, увѣряя его, что всѣ демонстраціи суть не что иное, какъ пустая шалость молодежи; стоитъ на нихъ не обращать никакого вниманія, и они сами собой прекратятся. На дѣлѣ же выходило наоборотъ. Дерзость коноводовъ росла не по днямъ, а по часамъ. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи генераль-губернаторъ официально пригласилъ къ себѣ дворянъ и убѣждалъ ихъ оказать правительству содѣйствіе къ прекращенію беспорядковъ. Слова его были приняты очень холодно. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія божѣ, чѣмъ не двухсмысленными ихъ отвѣтами, В. И. Назимовъ сказалъ имъ, что если они не образумятся и, оставаясь равнодушными зрителями происходящихъ въ краѣ беспорядковъ, не поддержать правительство, то имъ же будетъ хуже; можетъ легко повториться Галиційская исторія. Сказанныя слова были перетолкованы поляками такъ, что генераль-губернаторъ грозитъ имъ рѣзней. Это обстоятельство подняло цѣлую бурю и поставило начальство края еще въ большее затрудненіе. Слухъ о произнесенныхъ словахъ, благодаря усердію пановъ, съ быстротою молніи распространился во вліятельныхъ сферахъ столицы, разумѣется, еще съ разными прикрасами. Сколько нужно было потратить увѣреній, чтобы хоть сколько-нибудь сгладить то непріятное впечатлѣніе, которое произвели тамъ эти слухи. Польская справа, надобно отдать ей справедливость, съ полнымъ знаніемъ дѣла шла къ своей цѣли, а мы смотрѣли въ оба и ничего не видѣли.

Въ первыхъ числахъ іюля я былъ командированъ генераль-губернаторомъ въ г. Россіены для окончанія слѣдствія о сумасшедшемъ ротманѣ. Проѣздомъ чрезъ Ковну ко мнѣ зашелъ въ клубъ, гдѣ я остановился пообѣдать, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, молодой архитекторъ Куликовскій; болтая съ нимъ о томъ, о семъ, я коснулся тогдашнихъ безобразій, которыя охватили цѣлый край. Тутъ я, между прочимъ, узналъ, что 31-го іюля, т. е. ко дню такъ называемой Люблинской уніи, на которой совершилось историческое насиліе единенія Литвы съ Польшею, въ Ковнѣ готовится громадная демонстрація, и что въ ней примутъ участіе и жители царства Польскаго, находящагося на другой сторонѣ р. Нѣмава. По возвращеніи моемъ черезъ недѣлю въ Вильну, я доложилъ о слышанномъ мною генераль-губернатору, который, не смотря на полученное предвареніе, не счелъ нужнымъ принять серьезныя мѣры къ ея предотвращенію и разрѣшилъ даже губернатору Холинскому поѣздки въ Петербургъ, такъ что въ день происшествія мѣсто его заступалъ вице-губернаторъ П. И. Корецкій, человекъ дѣловой, правдивый, отличный во всѣхъ отношеніяхъ, но оригиналь и крайне нерѣшительный, медленный, чему отчасти была причиною его глухота. Малороссійскій темпераментъ высказывался въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи, а упрямство его было таково, что во время казни одного

преступника, не смотря на сдѣланное предостереженіе о крайней опасности выбраннаго имъ пункта, онъ остался на мѣстѣ и получилъ серьезную рану въ ногу, отъ которой пролежалъ въ постели болѣе шести недѣль. Этой-то прямой, благородной личности суждено было оправдать пословицу—во чужомъ пиру похмѣлье.

Наступило 31-е іюля. Съ самаго ранняго утра началось въ Ковнѣ большое движеніе между римско-католическимъ населеніемъ города; малые и большіе, мужчины и женщины всѣ были разряжены въ пухъ и прахъ; патриотическій трауръ въ этотъ день исчезъ и подвергся даже преслѣдованію, которое выпало болѣею частію на долю русскихъ, появившихся на улицу, по привычкѣ, въ черныхъ платьяхъ. Большія толпы народа, подобно волнамъ, постоянно прибывали къ костелу Августіановъ, въ старомъ городѣ, близъ ратуши и, какъ бы разбиваясь объ его стѣны, расходились по площади; къ назначенному заранѣе часу сюда собрались также и представители разныхъ городскихъ цеховъ съ своими разнохарактерными флагами. Непосвященнымъ въ тайну задуманной демонстраціи казалось, что приготавливаемое празднество не что иное, какъ повтореніе торжества, совершаемаго католическою церковію въ день праздника тѣла Господня. Въ числѣ участвовавшихъ въ демонстраціи находились не только служащіе чиновники съ своими женами, но и ихъ начальники-поляки, составлявшіе большинство администраціи въ краѣ. Такъ какъ храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ и десятую часть этой пестрой толпы, то самая значительная масса собравшейся публики расположилась около костела на площади, представляя живописную картину изъ ярмарочной жизни, ярко освѣщенную лѣтнимъ солнцемъ. Когда при утреннемъ рапортѣ ковенскій полиціймейстеръ Васильевъ доложилъ заступающему мѣсто губернатора о большомъ стеченіи народа при костелѣ и о предстоявшемъ шествіи въ царство Польское черезъ Нѣманскій мостъ, П. И. Корецкій, предваривъ его, что самъ лично отправится на мѣсто, приказалъ немедленно послать на берегъ казаковъ и двѣ роты солдатъ, настрого подтвердивъ при этомъ, чтобы войска воздерживались отъ насилія и ожидали дальнѣйшихъ его приказаній. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы присутствіемъ войскъ дать понять народу бесполезность попытки перейти по Нѣманскому мосту въ царство Польское. По окончаніи обѣда, изъ костела двинулась торжественная процессія съ ксендзами во главѣ, предшествуемая городскими цехами съ флагами, образами и хоругвями. Когда это шествіе вступило въ узкую улицу, ведущую къ Нѣманскому мосту, полиціймейстеръ сталъ уговаривать народъ разойтись по домамъ, предваряя, что черезъ мостъ никого не пропустятъ; но, подстрекаемая коноводами, толпа упорно подвигалась впередъ, произнося разные ругательства на полицію. П. И. Корецкій стоялъ на другомъ концѣ улицы подлѣ храма

св. Николая, построеннаго на самомъ берегу Нѣмана, въ память спасенія государя Николая Павловича отъ потопленія при переѣздѣ черезъ рѣку. Замѣтивши неудержимый напоръ толпы, онъ приказалъ развести мостъ, который былъ приготовленъ къ тому, но оставался еще неразведеннымъ, дабы не остановить безъ нужды сообщеніе съ царствомъ Польскимъ, такъ какъ тутъ пролегалъ почтовый трактъ на Варшаву. Замѣтивши разводку моста, толпа прибавила шагу и вступила на него въ тотъ моментъ, когда два средніе плашкота были выведены вонъ. Причаливъ ихъ къ периламъ моста, разводчики подали поводъ къ тому, что прерванное сообщеніе было скоро восстановлено толпою, при чемъ произошла страшная давка; войска стояли смирно подъ ружьемъ. Дѣло это совершилось такъ быстро, что не было никакой возможности остановить шествіе. Въ то самое время, когда городская процессія вступила на мостъ, съ другой стороны Нѣмана показалось торжественное шествіе, вышедшее къ ней навстрѣчу изъ царства Польскаго. Обѣ процессіи, пройдя по мосту до середины рѣки, остановились передъ разведеннымъ пространствомъ, преклонили колѣна и пропѣли революціонный гимнъ, который продолжался во все время, пока отставной инженеръ, капитанъ путей сообщенія Михайловскій, не окончилъ съ людьми работу по восстановленію сообщенія; тогда при громкихъ крикахъ и лобзаніяхъ, обѣ процессіи слились въ одну толпу и двинулись съ пѣніемъ гимна въ предѣлы царства Польскаго, гдѣ въ имѣніи помѣщика Годлевскаго пропировали до вечера. Сконфуженныя мѣстныя власти разошлись по домамъ; осталось только послать телеграмму генераль-губернатору съ донесеніемъ о совершившемся фактѣ, что и было сдѣлано. Такъ какъ главные коноводы этой манифестаціи выказали много дерзости не только въ отношеніи полиціи и солдатъ, но и къ самому заступавшему мѣсто губернатора, то на другой день послѣ описаннаго происшествія произведено было, по распоряженію генераль-губернатора, нѣсколько арестовъ; виновные были присланы въ Вильну въ сопровожденіи жандармовъ, гдѣ и попали въ политическую тюрьму на время производства слѣдствія. Поляки обвиняли наше правительство въ томъ, что оно круто поступаетъ съ ними, хотя въ описываемое время все возмездіе за ихъ безобразія и дерзости ограничивалось кратковременнымъ арестомъ или высылкою изъ края административнымъ порядкомъ во внутреннія губерніи Россіи. Мѣра эта принесла громадный вредъ только не крамольникамъ, которымъ жилось такъ привольно и весело, а русскимъ—нашимъ собратямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

